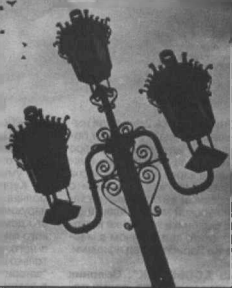

Письма из провинции

Мой театр

Чем удивляет город Кимры любого гостя, сюда приезжающего, так это своим театром. Профессиональным драматическим театром, имеющим статус областного, которому в этом году исполняется 55 лет. Открытый в начале Великой Отечественной войны, он рос, креп и совершенствовался под руководством первого директора и главного режиссера, впоследствии заслуженного деятеля искусства РСФСР Александра Михайловича Гиацинтова.

И прошлое лето ознаменовалось событием, которое тронуло до глубины душевной выдавших виды кимряков, событием архиредаким не только для провинции, но и для столицы тоже. Театр перезахоронял останки А. М. Гиацинтова в год 100-летия его рождения. Перезахороняли со старого кладбища, закрытого 35 лет тому назад, на действующее. И захоронили по соответствующему обряду со всеми почестями на центральной аллее у подножия стелы "Скорбь". Захоронили не той же аллее рядом с могилой заслуженного артиста РСФСР Бориса Сергеевича Грачева.

Я знал обоих. Гиацинтова для меня, юного, был митром, недоступным и по возрасту, и по положению. Грачев был близким человеком, можно сказать, товарищем, хоть и старшим. Какой это был актер! Какими же ролями только что приехал в Кимры из Ленинграда и стал играть, я, тогда еще совсем не знакомый с ним, не узнавал его на сцене в разных юных и столько пережившего пожилого Оллада — уже нужен недожженный талант. А спустя месяц он появляется в роли председателя райисполкома, "предрика", в пьесе Н. Вирты "Дали неоглядные". Хитренького, ничтожненького человечка, с ужасными бюлдолизна, облаченного властью, Грачев, как говорится, размазывал по полу, предельно откровенно выражая свое отношение к этой породе партийно-советской номенклатуры, чего, кажется, не предполагал и сам драматург.

Алофеоз Грачева — Ленин в поединской трилогии. Надо знать то время, чтобы выставить себе, кому могли разрешить высшие инстанции сыграть роль вождя. Да еще где? В провинциальном театре? Немыслимо. Тем не менее театр добился разрешения на постановку этих трех пьес благодаря, конечно же, разностороннему мощному таланту Бориса Сергеевича Грачева.

Живет театр. Приходят и уходят актеры (не часто, впрочем), меняются главрежи (тоже не часто), остается постоянной признательность и любовь в развороченном мутном быте.

Сейчас театром руководит заслуженный артист России Олег Алексеевич Лавров (не часто, впрочем). На этой же сцене начинал после войны свой творческий путь его отец Алексей Иванович Лавров, потому Олег о себе говорит, что он вырос за кулисами.

Не скажу ничего о пьесах, которые поставил и ставит театр, хотя его "послужный список" достоин внимания. Скажу одно — последние постановки "Мольера" М. Булгакова и "Вишневого сада" А. Чехова не стыдно, честное слово, показать в любом театре столицы. Тем более что Москва, к счастью, Кимрский театр привлекает — и в театре Маяковского играли, и в театре Пушкина. Конечно, можно было бы и почаще показывать в столице, но это уж как позовут. А об уровне сценического мастерства кимряков говорит хотя бы такой, пусть формальный, но все же довольно таки веселый и объективный показатель — в театре работает народный артист России Р. Абрамова, заслуженная артистка балетмейстер Ю. Григорьев, заслуженная артистка России Казахстана М. Дойнина, заслуженные артисты Белоруссии Г. Должанская и В. Пастанов.

Более десятка актеров, игравших в свое время в Кимрском театре, также потом были удостоены высоких званий. Среди них — народная артистка РСФСР В. Шавакунова-Литвинова, заслуженные артисты Т. Инозмицева, Е. Бычкова, И. Смагин, Е. Тарасов, И. Лагздынь, Г. Гафт...

Ну так как насчет провинции?

Я тоже выходил на эту сцену. Играл. Но на аккордеоне. В спектакле играл всего один раз, да и то в детстве. Была у нас после войны при городском Доме учителя детская драматическая студия, которой руководила мама известного актера Евгения Весника, потом народного артиста СССР. Сын — в Москве. Мама — в Кимрах. Почему? Да потому, что сослали ее после лагерей за 101-й километр. Была у тех наших властей такая практика. Да и библиотекой Дома учителя завладела в те годы тоже каторжанка (Карлаг!), прекрасная, образованнейшая женщина Екатерина Павловна Арсеньева, которой по сию пору (она ушла из жизни в 60-х) благодарны те, кто приобщался к ее великому духу и получал от нее немалую толику знаний, как литературных, так и общественных-политических. Вспоминаю, как она читывала за глупости, детскость, тактические ошибки, неразборчивость в людях только что вернувшегося из лагеря известного тогда диссидента Александра Гинзбурга, для нас, ровесников, — Сашку. А он сидел перед ней, беспомощный под напором ее аргументов, и плакал. Плакал тот, кто еще недавно блистательно сыграл в Кимрском театре яростного нашего современника, Альку-рубаку в пьесе В. Розова "В добрый час!".

А я играл на аккордеоне. В стенах того же театра, арендовавшего помещение у клуба "Промкооперация", существовал симфонический оркестр из 75 оркестрантов, который я называл Большим, и мы, семь или восемь аккордеонистов, учились под его крылышком, нет, крылом, играть, учась настоящей музыке и шлифуя свою технику. Я тогда, 16-летний, умудрился сыграть на аккордеоне в октаву "Танец с саблями" Хачатуряна, получить за это в награду, выступая в Калининской филармонии, должность главного дирижера только благодаря этой оркестровой школе. Чистая самодельность. Да, но какого уровня. Я потом, уже учась в университете, с концертными до Камчатки доехал, а поняв, что дальше Камчатка не уедешь, с музыкой "завязал". А двое или трое из нас, аккордеонистов, ушли в профессионалы. Алик Ладенев, например, стал артистом-инструменталистом Москонцерта.

Руководил нашим Большим симфоническим оркестром замечательный дирижер Иван Давыдович Зубов. Светлая ему память! А когда ушел из жизни музыкант Божьей милостью, то никто — никто! не один! — не смог или не захотел его заменить, хотя тогда уже, наверное, с десятка бывших воспитанников оркестра позаканчивали музыкальные училища и даже консерваторию. И — развалился оркестр. Пропали инструменты — все! Пропали с такой тщательностью собираемые Иваном Давыдовичем оркестровые ноты — все!

Итог: с музыкантами в Кимрах теперь, я заметил, намного похуже, если не сказать, совсем жидко. Пропали куда-то духовые оркестры (один есть, но еле дышит), напрочь исчез оркестр народных инструментов. Эстрадные ансамбли, играющие через пень-колоду, только и делают койкакую погоду, но, я полагаю, не вам говорить, какую.

Зато кого теперь в городе много, так это художников, хороших, кстати, интересных, своеобразных... Такие вот метаморфозы. Везде в Кимрах, обязательно заходите в краеведческий музей, в нем часто экспонируется живопись местных авторов.

Пока.
Вячеслав БЕЛОВ.